

Игумен Лука (Степанов)

Крестьянские восстания 1918 г. и сельское духовенство (на материалах Рязанской губернии)

УДК 94(47).084.3+271.2-9

DOI 10.47132/1814-5574_2021_4_483

Аннотация: В данной статье анализируется драматический по накалу эпизод Гражданской войны в России — крестьянские восстания весны и осени 1918 г., которые были вызваны политикой продовольственной разверстки и мобилизацией в Красную армию. Эти восстания, носившие стихийный характер, охватили всю территорию Рязанской губернии и повлекли за собой карательную политику властей по их подавлению. Террор затронул и провинциальное духовенство, которое было обвинено в сочувствии восставшим, выразившемся в набатном звоне, молебнах, благословлениях и отпеваниях погибших крестьян.

Ключевые слова: духовенство, Рязанская губерния, крестьянское восстание, Гражданская война, Русская Православная Церковь, «красный террор».

Об авторе: **Игумен Лука (Степанов Игорь Ильич)**

Кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

E-mail: Ig.Stepanov@365rsu.edu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7466-3304>

Ссылка на статью: Лука (Степанов), игум. Крестьянские восстания 1918 г. и сельское духовенство (на материалах Рязанской губернии) // Христианское чтение. 2021. № 4. С. 483–489.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2021

Abbot Luke (Stepanov)

Peasant Uprisings in 1918 and Rural Cergy
(Based on the Materials of the Ryazan Province)

UDC 94(47).084.3+271.2-9

DOI 10.47132/1814-5574_2021_4_483

Abstract: This article analyzes a dramatic episode of the Civil War in Russia — peasant uprisings in the spring and autumn of 1918, which were caused by the policy of food appropriation and mobilization into the Red Army. These uprisings, which were spontaneous, engulfed the entire territory of the Ryazan province and entailed a punitive policy of the authorities to suppress them. The terror also affected the provincial clergy, who were accused of sympathy for the rebels, expressed in alarm bells, prayers, blessings and funeral services for the dead peasants.

Keywords: peasants, war, rebellion, shooting, punishers, priest.

About the author: **Abbot Luke (Stepanov Igor Ilyich)**

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Theology at S. A. Yesenin Ryazan State University.

E-mail: Ig.Stepanov@365rsu.edu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7466-3304>

Article link: Luke (Stepanov), abbot. Peasant Uprisings in 1918 and Rural Cergy (Based on the Materials of the Ryazan Province). *Khristianskoye Chteniye*, 2021, no. 4, pp. 483–489.

Тема крестьянских восстаний на Рязанской земле в 1918 г. является актуальной в проблематике Гражданской войны. Она нашла свое отражение в исторической литературе [Акульшин, Пылский, 2000; Гарасева, 1997; Гераськин, 2003; Коростелев, 2010; Кузнецов, 2005; Ратьковский, 2017]. Менее подробно затронут историками вопрос об участии сельского духовенства в этих исторических событиях, а потому он требует более детального исследования.

Крестьянские восстания 1918 г. в Рязанской губернии, как и на других российских территориях, начались из-за недовольства продразверсткой и мобилизацией в Красную армию. В эти события был вовлечен весь крестьянский мир, включая сельских священников как составную его часть.

Обратимся к свидетельствам карательного органа советской власти — Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) — об участии и роли духовенства в выступлениях крестьян. «Многие из сельских священников принимали участие в крестьянских восстаниях, причем не только в качестве рядовых участников, но и руководителей. Монастыри, церкви и церковные помещения нередко становились местами хранения оружия антисоветских организаций, убежищем для их членов. Многие священники вели активную агитацию, скрытую или явную, против советской власти, устраивали панихиды по последним русским царям, призывали к восстановлению монархии. Советскую власть они считали порождением антихриста и поэтому незаконной. Главная причина подобной позиции духовенства заключалась в политике советской власти по отношению к Церкви. В большинстве своем сельские священники крайне негативно отнеслись к декретам большевиков о свободе совести и вероисповеданий и об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Их недовольство вызвала аграрная и продовольственная политика советской власти, так же как и упомянутые выше декреты, подрывающие основы их материального благосостояния. Данная тема постоянно звучала в антисоветских проповедях и агитации духовенства» (Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 2000, т. 1, 34). Так оценивали чекисты позицию сельских священников в противостоянии власти и крестьянства в начале Гражданской войны. Эта чекистская оценка приводится некоторыми исследователями [Алешкин, 2012, 164].

Следует отметить, что в годы братоубийственной Гражданской войны Церковь не давала официального благословения никому из вождей Белого движения, полагая, что это может привести к усилению враждебности против нее, ее дискредитации. В условиях взаимного террора Церковь предупреждала православных людей не позорить своего христианского звания и не уменьшать свой подвиг стояния за истину. Понятно, что равнодушно взирать на безбожие, носить насилие, осквернение и ограбление храмов клирики не могли. Однако, как правило, их противодействие зверствам и разврату сводилось к проповедям. Пастыри призывали следовать евангельским заповедям миролюбия, не идти брат на брата, обагрывая руки кровью. А многие священники, избегая обострения и без того сложной ситуации Гражданской войны, предпочитали обходить стороной политику. Что касается тайных симпатий Церкви в целом, то они были, разумеется, не на стороне ее гонителей и мучителей. Именно поэтому «красный террор» был направлен и против духовенства, приравненного властью к представителям «враждебных классов».

Рассмотрим, как развивались отношения между советской властью и Церковью в Рязанской губернии весной и летом 1918 г. В мае отрядом красноармейцев был разогнан 3-й чрезвычайный епархиальный съезд. Съезд успел только начать работу и избрать Епархиальный Совет. «В донесении от 14–17 мая 1918 г. на имя Святейшего Патриарха член Священного Собора от Рязанской епархии, протоиерей соборной церкви г. Спасска Леонид Краснов (получивший 3 месяца тюремного заключения за отказ взять на учет церковное имущество от гражданских властей) сообщал, что был арестован и заключен в тюрьму священник с. Дегтяное Спасского уезда о. Иоанн Миловзоров. Арест о. Иоанна был вызван самосудом прихожан над комиссаром и красноармейцами, пытавшимися арестовать священника. Это донесение было

включено в журнал Делегации ВЦУ 5 июня 1918 г. в целях защиты перед правительством имущественных и иных прав Церкви» [Гераськин, 2003, 13; Коростелев, 2010].

Реквизиция церковного имущества в сельской местности, осуществляемая в ходе продразверстки, вызвала массовое недовольство духовенства и крестьян советской властью. «Весной 1918 г. был арестован настоятель храма с. Тума Касимовского уезда, бывший депутат IV Государственной Думы от „Союза русского народа“ Стефан Остроумов за отказ платить в местный Совет арендную плату с церковных лавок, минуя церковного старосту. Летом 1918 г. был арестован священник о. Николай Перцев из с. Костемерово Скопинского уезда за собрание прихожан, обсуждавшее вопрос о передаче имущества прихода под охрану. С аналогичными обвинениями в рязанскую губернскую тюрьму были заключены священники о. Иоанн Амиантов из с. Великий Двор и о. Иоанн Озерский из с. Барснево Касимовского уезда» [Гераськин, 2003, 13; Коростелев, 2010].

Нередко правящему архиерею приходилось ограждать священнослужителей от притеснений местной власти. Например, «после того как волостной совет в июне 1918 г. отобрал лошадей с телегой и скотину у священника с. Сергиевский Боровок Раненбургского уезда, архиепископ Рязанский и Зарайский Иоанн объявил о возможности закрытия храма в селе и прекращения церковных служб...» [Гераськин, 2003, 13; Коростелев, 2010].

12 сентября 1918 г., в разгар кампании «красного террора», на заседании Рязанского губисполкома был рассмотрен вопрос о создании в Рязани концентрационного лагеря. Казанский женский монастырь в Рязани был превращен в концлагерь принудительных работ. Монастырь был официально закрыт 21 марта. В то время на его территории проживало до 700 монахинь и частных лиц. Их стали выселять, а трудоспособных — отправлять на сельхозработы. Вместе с насельницами из монастыря были выселены госпиталь и школа кружевниц. Попала под конфискацию главная храмовая икона Казанской Божией Матери, имевшая в окладе 3,5 кг серебра вместе с позолотой и 506 драгоценными камнями. Количество заключенных в лагере в годы Гражданской войны увеличивалось: от 223 (на декабрь 1919 г.) до 1798 человек (на август 1920 г.). Контингент лагеря был разнообразным. Вместе с арестованными жандармами, дезертирами в заключение попали бывший рязанский губернатор Н. Н. Кисель-Загорянский, бывший городской голова И. А. Антонов, купец И. А. Салтыков, именитые горожане, священники, а позднее — пленные белые офицеры. Многие из них были расстреляны. Концлагерь был ликвидирован только в феврале 1923 г. (Григоров, Григоров, 2013, 483).

В конце июля — начале августа 1918 г. военным отрядом Чрезвычайной следственной комиссии был занят храм при Рязанском духовном училище. Бойцы отряда совершали в храме обыск, не снимая шапок, курили, касались священных предметов. Позже в церкви поставили пулеметы. Столь же бесцеремонно производили ликвидацию известного Шацкого Успенского Вышенского монастыря. Монахинь выселили в имение обер-камергера Е. Д. Нарышкина «Быкова гора», расположенное в 5 км от монастыря [Гераськин, 2003, 14]. Осенью 1918 г. в той местности начала свирепствовать «испанка». Совершили молебен и крестный ход с иконой Вышенской Божией Матери, за что местная ЧК арестовала священника и саму икону. Крестьяне, узнав о глумлении, произведенной в ЧК над иконой, все как один пошли «стеной выручать Божью Матерь». По ним открыли огонь из пулеметов. «Пулемет косит по рядам, а они идут, ничего не видят, по трупам, по раненым, лезут напролом, глаза страшные, матери детей вперед; кричат: „Магушка, Заступница, спаси, помилуй, все за тебя ляжем!“» [Штейнберг, 2017, 216].

Несмотря на просьбу Святейшего Патриарха Тихона (Белавина) в адрес Совнаркома отпраздновать годовщину советской власти «освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры», погром и закрытие храмовых зданий не останавливались. К ноябрю 1918 г. крестьянские восстания стали массовыми, и в губернии было объявлено чрезвычайное положение.

Примером особого взаимного ожесточения является восстание, происшедшее в Чучковской волости Сапожковского уезда. Обстоятельства дела очень подробно изложены и сохранены. «При проведении сбора лошадей у населения, после того как были изъяты лошади у нескольких крестьян, народ пришел в волнение, и из толпы начали раздаваться крики, что не дадим лошадей и не дадим молодежь в Красную армию. Несколько человек бросились к председателю совета бедноты, он побежал, толпа побежала за ним, догнали, повалили на землю и начали бить кирпичами и палками. Кто-то взял старый ржавый штык и попытался заколоть председателя, но, в силу того, что штык был старый, не смогли пробить шинель, после этого стали бить штыком в лицо, пытаясь убить. И только потом в него два раза выстрелили из винтовки. После этого происшествия зазвучал набат, и народ попытался как-то организовать, захватить военкомат, чтобы взять оружие. Но к тому времени ни комиссара, ни оружия там уже не было. Затем они нашли 4-х милиционеров и отобрали у них оружие» (ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 12. Л. 564–567).

Не менее драматична картина восстания в Касимовском уезде. Касимов был городом торговым, купеческим, в котором было сильным недовольство советской властью. Здесь зрело ядро восстания, неоднократно предпринимались попытки сопротивления советским органам. Поводом к восстанию послужила мобилизация в Красную армию, а также реквизиция лошадей. Эти акции властей встретили активное сопротивление населения.

1 ноября мобилизованных новобранцев посадили на пароход, чтобы отправить в Рязань. Однако призывники высадились в Туме, вооружились и направились на Касимов. Военный комиссар вышел на Сенную площадь, чтобы уговорить их сложить оружие и подчиниться местному совету, но тут же был убит. Был осажден уездный исполком.

В сторону Касимова из Московской губернии по Оке были направлены пассажирские пароходы «Ленин» и «Троцкий» с карательными отрядами. На пристани с. Забелино высадился еще один карательный отряд из Владимира. Сразу после подавления восстания расстреляли 20 заложников по социальному признаку. Всего в Касимовском уезде были расстреляны около 150 человек. У стены касимовского кладбища были расстреляны священники Матфей Рябцев и Николай Динариев за напутственный молебен повстанцам [Правдолюбов, 2000, 39–40; Коростелев, 2010]. В 2000 г. оба пастыря удостоились мученических венцов [Новомученики и исповедники, 2012, 321–326].

Так в чем же заключалось участие отдельных священников в крестьянских выступлениях? При подходе продотряда или мобилизационной комиссии били в церковный набат, созывая народ, служился молебен на «начало дела» или произносилась проповедь, направленная против безбожной власти. После благословления на борьбу с гонителями Христовой Церкви крестьяне давали отпор представителям советской власти. Обвинения со стороны чекистов, что представители духовенства, в нарушение канонических установлений, несовместимых со священством, применяли оружие против советских активистов, несомненно, можно оценить как нелепый вымысел карательной юстиции той эпохи. Были, разумеется, и воинственно настроенные священники. Так, в Плахинской волости Михайловского уезда в штаб восставших входил местный диакон Дмитрий Никольский. «Следствием было установлено, что Никольский выступал на собрании и призывал к свержению Советов, в предложенной резолюции митинга требовал самосуда над гражданами, отказывающимися принять участие в контрреволюционном выступлении, под угрозой виселицы и расстрела, заставил бывших офицеров принять командование над восставшими...». Кроме того, «он рассылал воззвания среди граждан соседних селений и арестовывал советских работников» [Коростелев, 2010].

Тем не менее, большинство клириков все же старались следовать духу первого послания Патриарха Тихона верующим (январь 1918): с одной стороны, вставать на защиту оскорбляемой и угнетаемой Церкви, с другой — силе внешней противопоставлять силу своего святого воодушевления [Русская Православная Церковь

и коммунистическое государство, 1996, 25]. Например, 13 ноября 1918 г. в с. Байдики той же Плахинской волости местный священник с паперти зачитал послание Святейшего. Иное дело, не всегда призывы духовенства к милосердию в отношении противоборствующей стороны находили отклик у восставших, поскольку велики были взаимное ожесточение и нетерпимость. Так было, например, в с. Поминово Егорьевского уезда, когда огромная толпа крестьян направилась свергать уездную власть. Произошел ожесточенный бой, закончившийся отходом восставших [Гераськин, 2003, 11; Коростелев, 2010].

Ответом на восстания стали карательные санкции. За молебен и благословление восставших был расстрелян вместе с крестьянами-мятежниками священник с. Санского Спасского уезда о. Павел Алфеев. За набатный звон арестовали о. Федора Ниловского, священника церкви с. Новопанское Михайловского уезда. Когда продотряд приступил к реквизиции зерна во дворе священника, сельчане ударили в набат. Собралась толпа, которая дала отпор красноармейцам, бросая в них камни. С колокольни дьячком были произведены предупредительные выстрелы из винтовки. Отряд ретировался, но из уездного центра было послано подкрепление. Из пулемета был открыт огонь по колокольне. Толпа крестьян была рассеяна, вожди арестованы, реквизиция проведена [Гераськин, 2003, 11; Коростелев, 2010].

По донесению губисполкома, «всего во время беспорядков расстреляно человек 500... по допросам арестованных и по документам убитых установлены руководители — бывшие офицеры и попы... всего расстреляно 6 попов» [Коростелев, 2010]. Священник с. Юрино Шацкого уезда о. Иоанн Островский был убит в храме за отпевание погибших во время восстания крестьян. В с. Агломазово Кадомского уезда были расстреляны о. Петр Пробатов, староста храма Косма Егорович и 11 прихожан. Были убиты о. Петр Кудряшов из с. Чернояр, священник с. Песчанки о. Иоанн Смирнов (Тамбовский церковно-исторический вестник, 1999, 10–11; ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 34. Л. 36 об.–37); [Гераськин, 2003, 11–12; Коростелев, 2010].

Сегодня непросто определить подлинные масштабы террора против Церкви в 1918 г. Существуют разные экспертные оценки: С. П. Мельгунова, Д. В. Поспеловского, Н. Е. Емельянова и др. [Мельгунов, 1990, 87; Поспеловский, 1994, 109–110; Емельянов, 1996, 248–252]. Но даже по официальным данным ВЧК, скорее всего — заниженным, в 1918 г. были расстреляны 827 священнослужителей [Бойко, 2011, 5]. И это было лишь только началом «русской Голгофы» для Православной Церкви и ее верных чад в XX в.

Источники и литература

Источники

1. ГАРО — Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 12. Л. 564–567; Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 182. Л. 16.

2. Григоров, Григоров (2013) — *Григоров А.А., Григоров А.И.* Заключенные Рязанского губернского концлагеря 1919–1923 гг. Списки, личные дела, регистрационные карточки, анкеты, различные ведомости и протоколы; документы на освобождение из концлагеря. М.: Типография ООО «МИД», 2013.

3. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М.: ББИ св. апостола Андрея, 1996.

4. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 1: 1918–1922 гг. / Ин-т российской истории Российской академии наук, Дом наук о человеке (Франция), Центр. архив ФСБ РФ, Ин-т истории новейшего времени (Франция), под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 1998.

5. Новомученики и исповедники земли Рязанской. XX век. Патерик. Рязань, 2012.
6. Тамбовский церковно-исторический вестник. 1999. № 1.
7. ЦДНИТО — Центр документации новейшей истории Тамбовской области. Ф. 840. Оп. 1. Д. 34. Л. 36 об.–37.
8. Гарасева (1997) — *Гарасева А. М.* Я жила в самой бесчеловечной стране: Воспоминания анархистки. М.: Интерграф Сервис, 1997.
- 9.

Литература

10. Акульшин, Пылькин (2000) — *Акульшин П. В., Пылькин В. А.* Бунтующий пахарь: Крестьянское движение в Рязанской и Тамбовской губерниях в 1918–1921 годах. Рязань: Изд-во РИРО, 2000.
11. Алешкин (2012) — *Алешкин П. Ф.* Антирелигиозная политика советского государства и протестные настроения крестьянства // Вестник Саратовского гуманитарного социально-экономического университета. 2012. № 1(40).
12. Алешкин, Васильев (2012) — *Алешкин П. Ф., Васильев Ю. А.* Крестьянские восстания в России в 1918–1922 гг. От махновщины до антоновщины. М.: Вече, 2012.
13. Бойко (2011) — *Бойко С. И.* Деятельность ВЧК в годы гражданской войны и перехода к нэпу, 1917–1922 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2001.
14. Гераськин (2003) — *Гераськин Ю. В.* Государство и Церковь. Рязань, 2003.
15. Емельянов (1996) — *Емельянов Н. Е.* Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке // Культура. Образование. Православие: Сб. материалов региональной научно-практической конференции. Ярославль, 1996. С. 248–252.
16. Коростелев (2010) — *Коростелев В. А.* Крестьянские восстания в Рязанской губернии в 1918 г. Рязань, 2010. URL: https://genrogge.ru/riazanskiy_konclager_1919-1923/krestianskie_vosstania_1918.htm (дата обращения: 30.09.21).
17. Кузнецов (2005) — *Кузнецов М. В.* Крестьянское восстание в Рязанской губернии в 1918 году // Ученые записки. Т. 8. Рязань: Политех, 2005.
18. Мельгунов (1990) — *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. М., 1990.
19. Поспеловский (1994) — *Поспеловский Д. В.* Православная Российская церковь и гражданская война // Гражданская война в России: Перекрёсток мнений. М.: Наука, 1994.
20. Правдолюбов (2000) — *Правдолюбов В., прот.* Религиозная история Касимова. Касимов, 2000.
21. Ратьковский (2017) — *Ратьковский И. С.* Хроника красного террора ВЧК: карающий меч революции. М.: Эксмо, 2017.
22. Штейнберг (2017) — *Штейнберг И. З.* Нравственный лик революции. 1917–1919. М., 2017.